

11 АПР 1984

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Первая же публикация под нашей новой рубрикой «Хочу поделиться замыслом» (К. Ершов. «Обвенчается... свадьба», 17 марта 1984 г.) вызвала, судя по многочисленным письмам, живой интерес читателей. Важно, что в письмах этих — не просто одобрение замысла кинорежиссера, но и размышления о поднятых в статье проблемах, собственные житейские наблюдения читателей, изложение их гражданской позиции, иногда и полемика с автором.

В одном из ближайших номеров режиссер К. Ершов по нашей просьбе прокомментирует читательскую почту. На более интересные из писем редакция намерена опубликовать на страницах газеты.

Сегодня предлагаем вашему вниманию заметки кинорежиссера Владимира Акимова.

Двести лет назад философ Гельвеций говорил: «Если физический мир подчиняется закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса. На земле интерес есть всеобщий волшебник, изменяющий на глазах вид всякого предмета».

Человек стремится к встречам с теми, кто ему интересен, выбирает или мечтает выбрать профессию, специальность интересную, работать, чтобы было интересно, посмотреть фильм, спектакль непременно интересные.

Понятно, что никаких стойких, стабильных рецептов «интересности» нет, да и быть не может при жанровом разнообразии искусств, при бесконечной непохожести художников. Но, представляется, есть некие общие закономерности, о которых и хотелось бы сказать применительно к сценарному делу, предваряя рассказ о замысле, что сегодня занимает мое воображение, волнует, манит, мучит...

Интерес в переводе с латыни: важно, имеет большое значение. Следовательно, штука серьезная. Важная для человека, которому искусство адресовано. И уж, конечно, должна быть главной для художника.

Зритель наш неперенный партнер в осмыслении мира. Без него любая картина — моток целлулоида в жестяной банке. Ну, а если он партнер, то, безусловно, равный. Иначе, что ж это за партнерство? Скучно иначе. Обоим неинтересно.

Говоря современным языком, художник должен передать зрителю некую эмоциональную информацию. Ту самую, какой хотел поделиться с ним художник. Эмоция, как мы видим, обязательное условие, а эмоция вызывает интересное. Оно может быть смешным или трагичным, печальным или веселым — любым.

Всегда интересно, увлекательно неожиданное. Необычный угол рассмотрения того или иного события, исторического или житейского, обнаружение скрытой причинно-следственной связи явлений, на первый взгляд находящихся друг от друга в пространственном и временном отдалении.

Когда мы с Э. Володарским собирали материал для сценария «Демидовы», в архиве Нижнетагильского музея — огромное спасибо его сотрудникам за помощь! — обнаружили следующую запись в генеалогии демидовского рода: «Демидов Иван Григорьевич, убит (казнен) Бироном». Так и было помечено в скобках — «казнен».

До этого нам было известно, что фаворит императрицы Анны Иоанновны герцог Би-

ХОЧУ ПОДЕЛИТЬСЯ ЗАМЫСЛОМ

рон присвоил казенные уральские заводы и со свойственной ему жесткостью попросту грабил их. Также было известно, что он, войдя во вкус, протягивал руки и к демидовским. Создалась, говоря современным языком, конфликтная ситуация между всемогущим фаворитом и первым заводчиком империи Российской. И можно было бы спокойно разрабатывать этот конфликт, сам по себе драматичный, самоигральный, если бы не было иных факторов, которые в эту конфликтную ситуацию не вписывались. Например, почему Акинфий Демидов «поклонился» императрице серебряными рублевками собственной чеканки, тем самым признавшись в двух тягчайших государственных преступлениях — фальшивомонетничестве и сокрытии драгоценного серебряного рудника? Что заставило его пойти на такой риск и убыток, да еще в момент борьбы с Бироном? Также было неясно: что же или кто же являлся тайной пружиной антибироновского заговора гвардейских полков, приведшего к первому в истории России дворцовому перевороту? Причины были понятны, но что именно толкнуло лейб-гвардии преображенцев и присоединившихся к ним измайловцев, которыми, совсем не кстати для заговорщиков, командовал брат Бирона, на такое необычное, страшное в случае неудачи деяние?

И когда была прочитана и всесторонне обдумана запись о трагической смерти племянника Акинфия — словно ночью в поле стог вспыхнул, — все осветилось! Да простят мне некоторую цветистость фразы, но впечатление было именно такое. Тогда понятной стала история с рублевками — родного выручал! Понятным стало, от кого гвардия накануне переворота получила огромную сумму золотом, — Акинфий в силу своего характера, безусловно, не мог простить Бирону пролитой родной крови и начал борьбу.

Конечно, все это лишь версия событий, но деталь с гибелью племянника (в сценарии из драматургических соображений сделано, что погибает брат — суть от этого не изменилась) помогла связать разрозненные факты в четкую логическую систему, эмоционально окрасила сюжетные коллизии, позволила с неожиданной, своеобразной стороны показать характеры братьев Демидовых, Бирона. Дала возможность обострить сюжет.

Часто формула «остросюжетный» применяется лишь к детективу и к «вестерну». А как быть тогда с комедией, которая строится по тем же законам неожиданности ситуаций, ходов?

Когда острый сюжет не самоцель, не безделушка — он становится методом исследования человеческой деятельности во всем многообразии ее личностных, нравственных, социально-политических, исторических форм и проявлений.

Я долго собирал материал о борьбе с Колчаком, о его окружении, о трагической, кровавой «колчаковщине».

Полагаю эту историческую тему весьма актуальной и в наши дни, потому что, анализируя сегодня зловещие контрреволюци-

ВЕРСИЯ

онные движения в Азии или Америке, нельзя не обнаружить явных аналогов омским событиям 1918—1919 годов. Как правило, контрреволюция от антикоммунизма буржуазных партий скатывается к крайней реакционной военной диктатуре, которая ради удержания власти не щадит никого вплоть до самих же буржуазных деятелей, проложивших ей дорогу.

Каждой сюжетной фактуре, событию большому или малому, очевидно, соответствует свой герой, через которого можно наиболее полно и интересно выразить происходящее. Мне представляется важным увидеть «колчаковщину» как бы изнутри, с точки зрения человека, имевшего возможность увидеть то, что было скрыто от глаз многих.

Я вижу своего будущего героя. Домысливаю то, что подсказали книги, старые газетные статьи, архивы.

...Звали его Глеб Саввич Сиверцев. В бывшей царской армии — генерального штаба капитан, специальность — военная разведка. От роду 27 лет, из них три месяца мировой войны, три с лишним года германского плена, четыре побега. Удался пятый, в январе восемнадцатого.

Почти год добирался Сиверцев в Омск, город своего детства, через всю страну, через фронты гражданской войны. Смертельно устал от всего, что свалилось на него за эти годы, мечтал лишь о доме, о встрече с родными, о скромном месте школьного учителя, желательно в начальных классах.

И вот мой герой встает перед выбором, мучительным для него: внять догме императорской присяги или восстать против мерзости предательства, совершаемого Колчаком и его приспешниками, не дать Сибирь, Россию на растерзание и разграбление Антанте. И он встает на путь подлинного патриота, он вступает в поединки с колчаковской контрразведкой, заняв свое место в борьбе за свободу Родины, за Советскую власть.

...Глеб Сиверцев поправил на плече латаный солдатский вельмешок, прошел через пустой вокзал. Вышел к площади, исчерненной следами его попутчиков.

Все это на глазах забеливалось тихим снегом. Исчезало...

Пересекая площадь, Сиверцев внезапно заметил на ее дальнем краю кого-то, в офицерских шинелях с винтовками. Повинуясь неслышной ему команде, офицерские шинели стали молча разворачиваться в цепь.

Сиверцев четким, пружинным махом проскочил несколько сажень, отделявших его от тени ближайшего дома. Влетел в нишу парадного — так животное, повинуясь инстинкту самосохранения, старается сначала уйти от непонятного, а потом уж выяснять, опасно оно или нет.

Офицерские шинели, держа равнение в цепь, как на плацу, без опаски побежали через площадь. За ними осталось грязное месиво истоптанного снега.

Вот середина цепи затоптала по вокзальным ступенькам. Края обтекали здание с двух сторон. Сквозь глухой перестук сапог — треск выдавленного стекла, испуганный вскрик. В вершинах невидимых во тьме деревьев по-

тревоженная ворона скрипуче заругалась спрессованно...

В спящем городе выстрел!.. Другой!.. И — как прорвало! Словно человеческий да вороний крики были сигналом.

Из здания вокзала офицерские шинели быстро вывели с полдюжины железнодорожных служащих. Начальник станции прижимал к разбитому в кровь лицу форменную фуражку с красным верхом. Вокруг лысины топорщился седой венчик. Один из конвойных сунул ему прикладом под подгибающиеся колени — старичок споткнулся, выронил фуражку. И она побежала через площадь, смешно подпрыгивая на козырьке. Рассмеялись.

— Черт побери!.. — пробормотал Сиверцев, — что за свинская кутерьма?..

Вынул из бриджей револьвер. Сунул за борт потрепанного пальто. Пошел, стараясь держаться вплотную к стене дома. Он умел ходить бесшумно даже в тяжелых сапогах.

Завернув за угол, Сиверцев столкнулся с вылетевшим из подворотни человеком. Тот не удержался, левым боком смаху грохнулся о мостовую. Судорожно заскреб каблуками от боли. Сиверцев склонился над ним. Глаза зажмурились. Мокрый оскал. Большой хрип. Из левого плеча романовского полушубка — кровавая овчина клочьями.

Сиверцев распахнул полушубок на раненом. Разорвал нательную рубашку. Сноровисто перевязал — приходилось не раз за эти сумасшедшие годы. Тот открыл глаза, протянул здоровую руку:

— Дай-ка встать.

Сиверцев помог.

— А и спасибо тебе, браток... — пошатнулся, помотал головой.

— Что ж это у вас? — спросил Сиверцев.

— У нас-то? — раненый ощерился криво. — Пирогов затеяли. С человечины. Сладкая, говорят, чисто гусятина...

Звонкая скороговорка копыт. Казачий повист. Испуганный вороний гай.

Над храмом, на который он крестился, небо высветилось пожаром. Черный силуэт колокольни выступил из тьмы...

Сиверцев приехал в Омск 18 ноября 1918-го, в момент военного переворота, санкционированного английским генералом Ноксом. Диктатором с титулом «Верховного правителя России» стал адмирал Александр Колчак, бывший морской и военный министр свергнутого им сибирского правительства...

Я, конечно, не буду излагать здесь весь сюжет будущего сценария, но начало его мне представляется примерно таким. Может получиться остросюжетный политический фильм на исторически документальной основе, если найдется заинтересованный режиссер и студия...

Больше двадцати лет назад мой учитель Михаил Ильич Ромм, в мастерской которого я учился во ВГИКе, сказал на лекции: «Искусство есть способ передачи информации».

Формула суха, как всякая формула, но, на мой взгляд, справедлива, если, конечно, не трактовать ее узко, буквально. И я стараюсь по мере сил и способностей ей следовать.

Владимир АКИМОВ,
кинорежиссер.